

И. А. Бабев, М. В. Подшивалова

ЗАДАЧИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ

В статье раскрыты причины низкой инновационной активности малых промышленных предприятий в России с позиций институциональной теории. По мнению авторов, сегодня недооценивается степень влияния институциональной среды мезо- и мини-уровня, а также неформальных правил на развитие малых форм предпринимательства, включая их инновационную активность.

Показано, как неформальная составляющая институциональной среды мини-уровня влияет на механизм выполнения формальных институтов на примере феномена «старобрядческого предпринимательства» и институтов теневой экономики. Авторы предполагают, что теневая природа существующих в России на мини-уровне неформальных институтов объясняется не только низким уровнем доверия в обществе (включая доверие к власти и руководству) и особенностями национальной ментальности, но и неадекватностью распределения транзакционных издержек ведения бизнеса (включая инновационную деятельность) между экономическими агентами.

В качестве ключевых причин проблемы исследованы особенности институциональной системы России, а также транзакционные издержки отечественной системы патентования изобретений. Предложены методологические принципы институционального обеспечения развития малого инновационного бизнеса.

Ключевые слова: институциональная среда, малое предпринимательство, институциональное обеспечение, инновационная активность, транзакционные издержки

Высокая значимость малого бизнеса для повышения конкурентоспособности национальной экономики за счет инновационной активности и потенциала этой формы предпринимательства сегодня неоспорима. Кроме того, согласно теории постиндустриального общества Э. Тоффлера, одним из признаков приближения «экономики третьей волны» является тенденция вытеснения малыми фирмами крупных корпораций [7]. К сожалению, положение отечественного малого бизнеса в течение последних 20 лет не дает возможности говорить о существовании в нашей экономике тенденций, соответствующих этим утверждениям.

В рамках данной статьи под инновационно активным малым бизнесом будем понимать малые предприятия, осуществляющие инновационную деятельность (в виде поиска новых идей, технологических решений, рынков сбыта

и т. п.), а также малые предприятия, чей бизнес заключается в разработке самих инноваций и реализации их на рынке.

Согласно данным Национального института системных исследований проблем предпринимательства (НИСИПП), промышленный малый бизнес в России только на одну десятую процента может считаться инновационным. По данным общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», не более 2% всего малого бизнеса в России можно отнести к инновационному бизнесу [6]. При этом из всех малых инновационных предприятий России не более 15% можно назвать по-настоящему инновационными, которые проводят научные исследования, занимаются охраной интеллектуальной собственности и коммерциализацией нововведений на рынке. Остальная же доминирующая масса предпри-

ятий свою истинную инновационную составляющую утратила. При этом средний возраст опрошенных компаний составляет 10–13 лет.

В таблице 1 представлены данные Федеральной службы государственной статистики, анализ которых позволяет сделать ряд выводов об уровне инновационной активности малых предприятий в федеральных округах. Во-первых, налицо крайняя скудость инновационных процессов и их низкая результативность. Во-вторых, присутствует характерная для России региональная дифференциация инновационной активности малых фирм. Так, самый высокий показатель в 2011 г. по доле предприятий, осуществлявших технологические инновации, имел Алтайский край — 12,8%, а минимальное значение (1,04%) — Магаданская область, у 7 регионов значение показателя было равно нулю. По доле инновационных товаров в том же году лидировала Республика Тыва — 14,51% и Красноярский край — 5,18%, Костромская область и Якутия имели минимальное значение — 0,01%. Челябинская область, признанная по результатам исследований «Опора России» одним из лучших регионов по условиям для ведения предпринимательской деятельности, в 2011 г. имела лишь 0,74% инновационных товаров в общем объеме товаров малых фирм, технологические инновации осуществляли 6,62% малых предприятий региона. В-третьих, следует отметить незначительную положительную тенденцию к улучшению показателей в последние годы.

Сегодня в России дифференциация инновационной активности малых предприятий обусловлена не только территориальным признаком, но и масштабом организации. Используя данные Росстата о доле предприятий, осуществлявших технологические инновации в группах организаций по среднесписочной численности сотрудников, можно сделать вывод о том, что активность организаций в отношении технологических инноваций находится в прямой зависимости от масштабов бизнеса. Так, лишь 5% малых предприятий (численностью до 200 чел.) реализуют технологические инновации, а среди крупных фирм (более 10000 чел.) этот показатель достигает 82% [14].

Следует отметить, что проблема низкой инновационной активности характерна не только для всех отраслей отечественного малого бизнеса, но и для сферы промышленного производства и

Таблица 1

Инновационная активность малых предприятий по федеральным округам РФ, %

Федеральный округ	Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации		Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	
	2009	2011	2009	2011
Центральный	3,58	5,00	1,76	1,46
Северо-Западный	4,54	5,93	1,42	0,88
Южный	2,65	4,04	1,01	0,96
Северо-Кавказский	2,49	3,45	0,65	0,74
Приволжский	4,98	5,43	1,50	1,78
Уральский	5,09	5,86	0,67	1,74
Сибирский	4,26	5,57	1,73	2,48
Дальневосточный	3,59	3,32	0,14	0,15
В целом по России	4,08	5,11	1,38	1,48

Источник: составлено по данным Росстата [14].

экономики в целом. В силу чего все многообразие причин подобного положения дел можно условно разбить на специфические (внутренние), свойственные малому предпринимательству как особой форме ведения бизнеса, и внешние, не связанные со спецификой этого вида субъекта хозяйствования. Среди первой категории можно выделить классические ограничения, характерные, как правило, для любого малого предприятия: сравнительная ограниченность ресурсов и мощностей, высокий риск ведения бизнеса, уязвимость перед конкуренцией, стесненность недостатком финансовых ресурсов, неразвитость систем управления, активное использование неформальных источников финансирования.

К внешним причинам относятся экзогенные факторы среды хозяйствования малого предприятия, наиболее острыми из которых являются нехватка квалифицированных специалистов, низкая востребованность малого инновационного бизнеса, недоработки нормативно-правового обеспечения, высокая налоговая нагрузка (после увеличения в 2011 г. социальных платежей). По мнению большинства исследователей, среди внешних причин наиболее значимыми являются институциональные факторы. При этом подавляющая часть отечественных экономистов в качестве институциональной среды исследует

совокупность исключительно формальных институтов макроуровня, реже регионального, и совсем редко микроуровня. Подобный подход, безусловно, упрощает задачу исследователя, но имеет существенный недостаток, а именно — игнорирует влияние, во-первых, неформальных правил, во-вторых, институтов мезо- и микроуровней на предпринимательскую деятельность малых фирм.

На сегодняшний день из всех слоев институциональной среды наиболее активное воздействие со стороны органов власти приходится на макроуровень. Идет процесс непрерывного совершенствования федерального законодательства в различных сферах, принимаются новые, редактируются существующие и ликвидируются старые нормативные акты. Однако, как показывает практика, проблема низкой инновационной активности малого предпринимательства до сих пор остается нерешенной.

На наш взгляд, отчасти это связано с тем, что оставшиеся два уровня (мезо- и микро-) институциональной среды малого бизнеса остались за пределами как научного, так и государственного интересов и развиваются по сценарию «эффекта колеи». Так, российское экономическое хозяйство исторически является регионально дифференцированным в достаточно высокой степени, что свидетельствует о существовании различий в качестве институциональных систем мезоуровня. Несмотря на это, сегодня существует явный дефицит исследований институциональных систем регионального уровня, которые позволили бы:

а) выявить качество институциональной среды региона с позиции ее адекватности требованиям существующего уровня развития малого бизнеса;

б) оценить степень дифференциации институциональной среды, сложившейся в различных субъектах РФ;

в) проанализировать характер и силу связи между показателями развития институциональной среды и малого бизнеса региона;

г) оценить влияние неформальных правил на инновационную активность субъектов малого предпринимательства.

Безусловно, проведение подобного рода исследований требует решения ряда задач теоретико-методологического характера, среди которых первостепенными являются разработка методологических принципов исследо-

вания институциональной среды и создание соответствующего экономико-математического инструментария, позволяющего оценить качество институциональной системы региона через систему количественных и качественных показателей, характеризующих совокупность неформальных и формальных институтов конкретной территории.

В отношении государственного интереса к совершенствованию системы институционального обеспечения инновационной деятельности малых фирм на уровне регионов можно утверждать, что о его дефиците свидетельствуют данные исследований организации «Опора России». Согласно им, более половины руководителей малых предприятий полагают, что региональные администрации должны уделять больше внимания вопросам развития малого и среднего предпринимательства. В региональные программы поддержки вовлечены менее 10% участников исследования, использование инфраструктуры поддержки (бизнес-инкубаторы, промпарки, гарантийные фонды и др.) «стремится к нулю» [8].

Что касается институциональной среды микроуровня (то есть той совокупности формальных и неформальных институтов, которую формирует каждая отдельно взятая организация), то с нашей точки зрения, сегодня исследователи недооценивают значимость ее неформальной составляющей (неформальных правил и норм). Мы считаем, что совокупность неформальных институтов существенно влияет на механизм выполнения формальных институтов, то есть определяет то, как они будут выполняться — по форме или по содержанию. Так, если неформальные институты, которые регулируют деятельность сотрудников организации, конфликтуют с институтами формальными всех уровней (закрепленными внутрифирменными положениями и нормативно-правовыми актами), то последние будут работать исключительно на бумаге, фактически координировать ситуацию будут именно неформальные правила и нормы. Приведем несколько примеров, подтверждающих сделанное предположение.

Во-первых, это феномен «старообрядческого предпринимательства», более 200 лет вызывающий живой интерес и дискуссии в кругу ученых значительностью успеха этого класса предпринимателей. Известно, что старообрядцы приняли самое активное участие в создании переломных отраслей текстильной промышленности,

в экономическом освоении Севера России, в налаживании интенсивных торговых связей между южными и северными городами, в развитии прочных и зажиточных хозяйств в аграрном секторе. Барон Август Гакстгаузен после посещения России в 40-х гг. XIX в. отмечал удивительную способность староверов накапливать капиталы и создавать сильные торгово-промышленные предприятия в Москве, Санкт-Петербурге, Риге и др. городах. В широком исследовании по России А. Леруа-Болье также обращает внимание на особую культуру староверов, солидарность, позволившие им, подобно протестантам в Европе, развить деловую предприимчивость [13]. Неформальные институты в данном случае представляли собой надконституционные (в соответствии с терминологией Д. Норта) установки, основой которых было православное мировоззрение, поскольку запрету подвергалась обрядовая сторона верования. «Осмысленный труд», специфическое отношение к работе, чувство личной ответственности, добросовестность рабочих-староверов обеспечивали быстрое освоение ими новейших текстильных машин, повышение производительности труда, высокое качество продукции [6]. Данный пример феноменального успеха верующих и реализующих в жизни все принципы своей веры людей позволяет нам сказать о влиянии неформальной составляющей институциональной среды гораздо шире и глубже: духовность людей определяла их хозяйственно-экономическое пространство.

Во-вторых, косвенным подтверждением сказанному служит существующая в России деловая практика, сопряженная с институтами теневой экономики, которые, безусловно, нельзя назвать формальными. Организация, применяющая нелегальные механизмы ухода от налогов, объединяет людей, которые признают соответствующие неформальные правила. Каждый новый сотрудник, принимаемый на работу, знает, как он должен себя вести в соответствии с этими негласными соглашениями: получать заработную плату в конверте, не претендовать на получение социальных выплат различного рода и иные формы социальной поддержки, оформлять документы «как надо», а не «как есть» и т. д. Продолжением примера могут служить такие неформальные правила, как работа сверх установленного рабочего дня, «корректировка» документов, позволяющая сотруднику увеличивать доход («левые» чеки для авансовых отчетов

и начисления командировочных), неформальный институт откатов, свойственный большинству систем снабжения крупных предприятий. Таким образом, круг возможных поступков каждого сотрудника, включая нового, ограничивается совокупностью неформальных правил и норм, установленных в данной организации и, следовательно, влияет на соблюдение институтов формальных всех уровней (мини-, микро-, мезо- и макро-).

Вообще проблема существования неформальных институтов теневого характера, на наш взгляд, связана с тем, что в России, с одной стороны, дорого контролировать соблюдение правил, а с другой, сама политическая система, назначение которой состоит в охране правопорядка и соблюдения закона, находится под воздействием неформальных институтов внелегальной природы. Мы не будем рассматривать причины и конкретные формы проявления данных институтов на макроуровне, поскольку сегодня эти вопросы поднимаются в научных кругах постоянно. Остановимся подробнее на соответствующих внутрифирменных институтах, поскольку данное направление научных исследований сегодня является малоизученным и новым. Значительная роль в формировании и развитии теории миниэкономических институтов принадлежит Е. В. Попову [10, 11].

Теневая природа существующих на миниуровне неформальных институтов, как правило, объясняется отечественными экономистами низким уровнем доверия в обществе в целом и доверия к власти в частности, начиная с руководства организации и заканчивая федеральными властями. Действительно, многие социологические опросы и исследования подтверждают этот факт. Выше всего доверие к федеральным властям — полностью или частично им доверяет чуть более половины россиян (51,7%). Заметно ниже — к местным властям (43,9%), милиции (42,0%) и Думе (36,2%). Закономерность очевидна: меньше доверяют тем, с кем чаще сталкиваются; сакральный ореол сохраняют в каком-то смысле наименее «осязаемые» уровни власти. Уровень доверия практически ко всем социальным институтам и организациям в современной России достаточно низкий: средний индекс ответов, как правило, колеблется между «в чем-то доверяю» и «не очень доверяю» [12]. Однако уровень доверия к власти в России, несмотря на свое низкое значение, все же превышает анало-

гичный показатель для развитых европейских стран, для которых, как известно, институты теневой экономики не характерны. И дело не только в отличиях национальной ментальности, как это кажется на первый взгляд, но и, с нашей точки зрения, в уровне и структуре распределения транзакционных издержек ведения бизнеса (включая инновационную его составляющую) между экономическими агентами.

Резюмируем вышесказанное следующим образом. Любая институциональная среда как совокупность формальных и неформальных институтов тем или иным образом распределяет транзакционные издержки между экономическими агентами. Следовательно, оборотной стороной медали низкой инновационной активности малого бизнеса в России является проблема адекватности распределения транзакционных издержек ведения бизнеса, включая его инновационную составляющую. Использование термина «адекватность» распределения, а не «эффективность», на наш взгляд, более корректно, поскольку адекватность предполагает распределение транзакционных издержек в соответствии с возможностью экономического агента их нести.

Остановимся подробнее на специфике России как среды возникновения транзакционных издержек в современных условиях [3, с. 32].

1. Согласно типологии социального действия М. Вебера, отличительная черта российской экономической культуры — традиционализм, основными признаками которого являются ценностно-рациональное поведение, уравнивательные ценности, представление о «неправедности» богатства, гипертрофированная значимость персонифицированных связей [1]. «Традиционалистский» образ мышления выражается, в частности, в том, что человек не склонен зарабатывать больше, а просто хочет жить так, как привык. При затруднениях традиционалисты не наращивают усилия, а сокращают потребности. Недавние и более ранние социологические исследования подтверждают это суждение: так, в провинциальных городах России основной реакцией населения на падение денежных доходов является сокращение потребительских расходов, а не активное вовлечение в рыночную экономику [2]. Согласно данным Росстата, в кризисном 2009 г. после потребительского бума 2000-х гг., снижение реальных располагаемых доходов населения на 3-4%

привело к сокращению расходов на потребление на 7–10%. Логичным продолжением к сказанному будут результаты исследований «Опора России», согласно которым проблема низкой инновационной активности среди малых и средних предпринимателей начинается «с головы». Исследователи пришли к выводу, что причиной снижения доли малых инновационных предприятий в большей степени являются уровень образования и ментальность предпринимательского сообщества, чем нормативно-правовое законодательство [8].

2. Исторически изменение российских институтов имело дискретный характер, реформы насаждались сверху и не являлись результатом естественного развития институтов, в силу чего такие модернизации сегодня обуславливают низкий уровень институционального доверия в обществе. Интересно, что низкое доверие к власти уживается с высоким уровнем доверия к президенту и председателю правительства, то есть к конкретным личностям, можно сказать, что россияне проявляют «гены самодержавности» [12].

3. Специфика отношений собственности в России состоит в том, что борьба за экономические ресурсы заключалась не столько в получении их в собственность, сколько в захвате контроля над их распределением. Не являясь собственниками ограниченных ресурсов, представители бюрократии извлекают доход, имея монопольное право принятия решения, от которого зависят другие экономические агенты (рентоориентированное поведение). «Проблема административных барьеров» (неформальных институтов теневой экономики на макроуровне) является одной из коренных проблем России. Более того, институты в нелегальной экономике превратились в устойчивый элемент экономической системы, тесно переплелись с легальной хозяйственной деятельностью.

4. Высокая степень монополизации рынка, неразвитость рынка информации, асимметричность информации, отсутствие общепринятых правил игры, трудности с заменой контрагента по сделке увеличивают транзакционные издержки ведения бизнеса в России. По данным проекта Всемирного банка «Doing Business», который позволяет оценить и сравнить нормативно-правовые акты, регулирующие жизненный цикл национальных малых и средних предприятий в 185 странах, Россия занимает 117-е место по

уровню защиты интересов инвестора и 112-е место по легкости ведения бизнеса.

5. В институциональной системе России исторически существует несколько видов институциональных ловушек (в научной литературе они встречаются под различными терминами — «эффект колеи», QWERTY-эффекты, эффект блокировки, зависимость от предшествующей траектории развития). С нашей точки зрения, можно выделить в качестве традиционных ловушек (устойчиво существующих независимо от исторических условий), как минимум, следующие институты: коррупцию, уход от налогов, государственный монополизм.

6. Еще одна особенность современной российской институциональной среды описывается теорией институциональных матриц [5]. Применяя основные ее положения, с нашей точки зрения, можно увидеть, что отечественной институциональной системе присущ структурный дисбаланс двух типов: а) в отношении уровня развития отдельных институтов, б) пропорций присутствия в системе институтов типа X и Y . Мы полагаем, что определяющим условием повышения предпринимательской активности является не только уровень развития базовых институтов X -матрицы, но и функционирование развитых дополняющих институтов, выстроенных по типу Y -матрицы [9]. Сегодня, на наш взгляд, дополняющие институты в российской институциональной системе больше тяготеют к типу X -матрицы, а не Y , как следовало бы. Например, такой дополняющий институт, как кредитование, выстроен по типу X -матрицы, поскольку на рынке банковских услуг в настоящее время наблюдается государственный монополизм, а не высокий уровень конкуренции.

Все перечисленные выше особенности отечественной институциональной среды проявляют себя не только в высоком уровне транзакционных издержек, которые вынуждены нести сегодня предприниматели, но и в неадекватности их распределения между экономическими агентами. Что касается малых предприятий, пытающихся заниматься инновационной деятельностью, то, на наш взгляд, из всех видов транзакционных издержек, самыми неподъемными являются издержки поиска информации (патентный поиск) и спецификации и защиты прав собственности (защита интеллектуальных прав собственности). Высокий уровень транзакционных издержек патентования изобретений

в России объясняется не величиной патентных пошлин или временных затрат, поскольку их уровень вполне сопоставим с аналогичными расходами в большинстве других стран, о чем свидетельствуют, например, данные таблицы 2. Основное отличие российской патентной системы в том, что большинство услуг, которые в зарубежных странах являются бесплатными, в России стоят немалых денег, это касается, прежде всего, информационных услуг.

Без качественного патентного поиска вероятность успешной регистрации изобретения крайне мала. Так, только 5% заявок поданных без тщательного патентного поиска отвечают критерию новизны. Это значит, что в среднем надо подготовить и подать двадцать заявок на изобретения, заплатив пошлину за подачу заявления, а потом оплатить экспертизу по существу (за патентный поиск) для каждой заявки, чтобы только одна заявка оказалась новой и соответствовала только одному этому требованию.

Основные трудности при патентном поиске в нашей стране состоят в том, что качественный поиск в российской патентной базе можно проводить только на платной основе, при этом российские патенты составляют только небольшую часть существующих в мире патентов. Для качественного поиска необходимо просматривать тысячи патентов как минимум за десятки лет.

Качественные иностранные патентные базы, как правило, бесплатные и позволяют проводить поиск по многим параметрам: по названию страны, по международной классификации, по патентообладателю, автору изобретения, по дате регистрации заявки или выдачи патента, по международной классификации изобретений, по ключевым словам. Но, как правило, их отличает существенный недостаток — отсутствие перевода на русский язык. Для большинства россиян это основная преграда к эффективному поиску, поскольку без идеального знания технического английского языка самостоятельно провести такую экспертизу практически невозможно.

Патентный поиск может быть проведен не только самостоятельно, но и при помощи услуг коммерческих фирм. Однако, во-первых, это дорого, а во-вторых, нет гарантии, что патентный поиск проведен безупречно. При дорогом международном патентовании качественный патентный поиск необходим, поскольку обычно подобные затраты составляют сотни тысяч рублей на одну страну. Если поиск подтвердит отсутствие

Таблица 2

Затраты на патентование в РФ

Этап патентования	Затраты времени, раб. дн.	Стоимостные затраты, руб.	
		Стоимость услуг патентного поверенного	Размер государственной пошлины
Проведение патентно-информационного поиска с целью определения уровня техники	10 рабочих дней	12000	Нет
Составление заявочных документов и подача заявки на выдачу патента РФ на изобретение	10–15 рабочих дней	12000	За регистрацию заявки — 1650 руб.; за экспертизу по существу — 2450 руб. + 1950 руб. за каждый независимый пункт формулы свыше одного
Ведение делопроизводства по заявке во время экспертизы ФИПС до получения патента (включая составление ответов на запросы экспертизы)	1–1,5 года	Бесплатно	За регистрацию изобретения и выдачу патента — 3250 руб.
Итого:	1,5 года		33300

Источник: данные Южно-Уральской группы патентных поверенных на 01.01.2013 г.

новизны изобретения, то заявка или патент будут аннулированы, а затраты понесены впустую [15].

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня в России транзакционные издержки одного из ключевых процессов для инновационного малого бизнеса — патентования изобретений, распределены неадекватно возможностям экономических агентов, поскольку подавляющая их часть переложена на самих предпринимателей.

В заключение раскроем специфику институциональной среды как объекта изучения и управления с целью совершенствования методологических принципов институционального обеспечения развития малого инновационного бизнеса:

а) слабая структурированность в силу присутствия в ее составе качественных малоизученных элементов, каковыми являются, например, неформальные институты связанные с идеологией, культурными ценностями и менталитетом,

б) комплементарность институциональной системы, отдельные элементы которой взаимосвязаны, взаимодействуют и взаимообусловлены, кроме того, подобного рода отношения изменяются в ходе исторического развития;

в) диалектический характер отношений отдельного института и институциональной среды в целом (первый изменяется под влиянием последней и наоборот), а также отношений между собой институциональной среды различных уровней (макро-, мезо- и микро),

г) историчность — институциональная среда имеет свою историю, которая определяет раз-

витие среды в будущем, институциональная система, как и ее отдельные элементы, постоянно изменяется;

д) генетичность — свойство институциональной среды, тесно связанное с ее историчностью. Генетический тип среды определяется типом доминирующей институциональной матрицы, на которой основана и существует институциональная среда. Таким образом, можно говорить о «генетической» предрасположенности в развитии институциональной среды, в которой «генами» являются своеобразные естественные барьеры для изменений в траектории ее развития. Мы предполагаем, что генетичность присуща институциональной среде любого уровня.

Таким образом, институциональное обеспечение развития малого инновационного бизнеса (МИБ) должно быть концептуально переосмыслено и утверждаться на следующих методологических принципах.

1. Принцип структурной сложности внутреннего строения институциональной среды. Принимая во внимание вышеперечисленные особенности институциональной системы как объекта изучения, можно говорить о таких ее свойствах, как слабая структурированность, комплементарность, диалектический характер отношений между элементами и различными уровнями (мини-, микро-, мезо- и макро-).

2. Принцип динамичности, как малого инновационного бизнеса, так и институциональной среды (свойства генетичности и историчности). При этом важно рассматривать систему малого

инновационного бизнеса как динамическую систему с параметрами, изменяющимися в соответствии с циклами социально-экономического развития окружающей среды. Этот принцип тождественен принципу историчности, присутствующему современной институциональной теории; при этом каждому этапу цикла должна соответствовать не только своя система параметров управляющих воздействий, но и структура институционального обеспечения.

3. Принцип взаимообусловленности институциональной среды и малого инновационного бизнеса. Отдельная фирма, понимаемая как сообщество людей, задействованных в процессе функционирования фирмы, с их системами ценностей, ментальностью, привычками и т. д. является ячейкой экономики, так же как отдельная семья является ячейкой общества. Очевидно, что окружающая среда (в том числе институциональная) определяется деятельностью каждой отдельной фирмы, является следствием этой деятельности. Но верно и обратное: существующая институциональная среда влияет на функционирование малого бизнеса, включая воздействие на его инновационную активность.

4. Принцип неоднородности инновационных процессов малых предприятий, который выте-

кает из многообразия трактовок самого понятия «инновация». Кроме того, речь идет и о различной степени новизны инновационных проектов, реализуемых малыми фирмами. Для повышения конкурентоспособности отечественной экономики приоритетными являются, безусловно, инновационные преобразования высокой степени новизны.

5. Принцип адекватности распределения транзакционных издержек, которые формирует определенная система институционального обеспечения. Данный принцип предполагает анализ структуры распределения транзакционных издержек ведения инновационной деятельности малыми фирмами на предмет ее соответствия возможностям предпринимателя.

6. Принцип региональной дифференцированности малого бизнеса и институциональной среды.

7. Принцип адаптивности, т. е. способности малых предприятий приспосабливаться к изменениям институциональной среды всех уровней.

Указанные принципы, по нашему убеждению, должны быть положены в основу разработки стратегии повышения инновационной активности отечественного малого бизнеса на всех уровнях управления экономикой.

Список источников

1. Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. — 2001. — №3. — С. 67-77.
2. Вагин В. В. Русский провинциальный город. Ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. — №4. — С. 53-88.
3. Институциональная поддержка инновационного развития экономики / Под ред. И.А. Баева. — М.: Экономика, 2011 — 373 с.
4. Керов В. В. Конфессионально-этическая мотивация труда в России XIX в. Рабочие и хозяева текстильной промышленности ЦПР // Экономическая история. Обзорение. — Вып. 3. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 216 с.
5. Кирдина С. Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — № 1. — С. 101-115.
6. Малый бизнес — малые инновации. Nano News Net. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2011/malyi-biznes-malye-innovatsii>.
7. Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. — Ростов н/Д: Изд-во «Содействие — XXI век»; Гуманитарные перспективы, 2010. — 415 с.
8. Опора России. [Электронный ресурс]. URL: <http://opora.ru/legal/analysis/research/#collapsed/12167/>
9. Подшивалова М. Структурный дисбаланс институциональной системы России как фактор стагнации развития малого предпринимательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. — № 44. — С. 16-22. — (Экономика и менеджмент).
10. Попов Е. В. Миниэкономика — приоритетное направление исследований // Вестник РАН. — 2004. — Т. 74. — № 9. — С. 806-812.
11. Попов Е. В. Эволюция миниэкономических институтов // Экономическая наука современной России. — 2006. — №1. — С. 7-17.
12. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / С. Масамиси, В. А. Давиденко, Ю. В. Латов, Г. С. Ромашкин, Н. В. Латова // Журнал институциональных исследований. — 2009. — №1. — С. 20 — 35.
13. Расков Д. Е. Старообрядческое предпринимательство в экономике России в конце XVII–XIX вв. Неинституциональный подход: дис. ... канд. экон. наук: СПб., 2000. — 214 с.
14. Статистика инноваций в России. Официальный сайт Росстата РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

15. Южный С. А. Некоторые особенности патентования // Официальный сайт С. А. Южного. [Электронный ресурс]. URL: www.altinfoyg.narod.ru

Информация об авторах

Баяев Игорь Александрович (Челябинск, Россия) — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и финансы», Южно-Уральский государственный университет (454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, e-mail: baev@econom.susu.ac.ru).

Подшивалова Мария Владимировна (Челябинск, Россия) — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы», Южно-Уральский государственный университет (454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, e-mail: podshivalovamv@is74.ru).

I. A. Bayev, M. V. Podshivalova

Tasks of institutional support to increase innovation activity of small business in the region

The reasons for the low innovation activity of Russian small enterprises are presented in the article from the standpoint of institutional theory. According to the authors, today the degree of influence of the institutional environment on meso- and mini-levels, as well as informal rules for the development of small forms of entrepreneurship, including their innovative activity are underestimated.

The influence of informal component of mini-level institutional environment on the implementation of formal institutions in the examples of the phenomenon of «Old Believers» Entrepreneurship and institutions of the shadow economy is shown. The authors suggest that the shadow nature existing in Russia on mini-level informal institutions to be explained not only by the low level of trust in society (including trust in authority and leadership) and the differences between the national mentality, but also inadequate distribution of transaction costs of doing business (including innovation) between economic agents.

Features of the institutional system of Russia as well as transaction costs of the domestic system of patenting inventions are investigated as the key causes of the problem. Methodological principles of institutional support of small innovative businesses are presented.

Keywords: institutional environment, small business, institutional support, innovative activity, transaction costs.

References

1. Balabanova Ye. S. (2001). Osobennosti rossiyskoy ekonomicheskoy mentalnosti [Features of the Russian economic mentality]. Mir Rossii [World of Russia], 3, 67-77.
2. Vagin V. V. (1997). Russkiy provintsialnyy gorod. Klyuchevyye instrumenty zhizneustroystva [Russian country town. Key elements of living arrangement]. Mir Rossii [World of Russia], 4, 53-88.
3. Bayev A. Ye. (Ed.) (2011). Institutsionalnaya podderzhka innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [Institutional support of innovative development of economics]. Moscow, Ekonomika [Economics], 373.
4. Kerov V. V. (1999). Konfessionalno-eticheskaya motivatsiya truda v Rossii XIX v. Rabochiye i khozyayeva tekstilnoy promyshlennosti TsPR [Confessional and ethical motivation of labor in Russia in the 19th century. Workers and owners of the textile industry of TsPR]. Ekonomicheskaya istoriya. Obzreniye [Economic history. Review]. Issue 3. Moscow, Izd-vo MGU [MSU Publ.], 216.
5. Kirdina S. G. (2001) Teoriya institutsionalnykh matrits: v poiskakh novoy paradigmy [Theory of institutional matrixes: in search of a new paradigm]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1, 101-115.
6. Malyy biznes — malye innovatsii [Small business — small innovations]. NanoNewsNet. Available at: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2011/malyi-biznes-malye-innovatsii>.
7. Nureyev R. M. (2010). Ocherki po istorii institutsionalizma [Sketches on history of institutionalism]. Rostov on Don, Izd-vo "Sodeystviye — XXI vek" [Charity-XXI century Publ. Humanitarian prospects], Gumanitarnyye perspektivy, 415.
8. Opora Rossii [Russia's support]. Available at: <http://opora.ru/legal/analysis/research/#collapsed/12167/>
9. Podshivalova M. (2012). Strukturnyy disbalans institutsionalnoy sistemy Rossii kak faktor stagnatsii razvitiya malogo predprinimatelstva [Structural imbalance of institutional system of Russia as factor of stagnation of small business development]. Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of South Ural State University], 44, 16-22. (Economics and management).
10. Popov Ye. V. (2004). Miniekonomika — prioritnoye napravleniye issledovaniy [Minieconomy — the priority direction of studies]. Vestnik [Bulletin], Vol. 74, 9, 806-812.
11. Popov Ye. V. (2006). Evolyutsiya miniekonomicheskikh institutov [Evolution of minieconomic institutes]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economic science of modern Russia], 1, 7-17.
12. Masamisi S., Davidenko V. A., Latov Yu. V., Romashkin G. S., Latova N. V. (2009). Problemy i paradoksy analiza institutsionalnogo doveriya kak elementa sotsialnogo kapitala sovremennoy Rossii [Problems and paradoxes of institutional trust as an element of social capital in modern Russia analysis]. Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]. 1, 20-35.
13. Raskov D. Ye. (2000). Staroobryadcheskoye predprinimatelstvo v ekonomike Rossii v kontse XVII–XIX vv. Neoinstitutsionalnyy podkhod: dis. ... kand. ekon. nauk [Business in economy of Russia at the end of 17th to 19th centuries. Neoinstitutional approach, published summery of a PhD thesis]. St. Petersburg, 214.
14. Statistika innovatsiy v Rossii. Ofitsialnyy sayt Rosstat RF [Statistics of innovations in Russia. Official site of Federal Service of State Statistics of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru/>
15. Yuzhnyy S. A. Nekotoryye osobennosti patentovaniya [Some features of patenting]. Ofitsialnyy sayt Yuzhnogo S. A. [Official site of Mr. yuzhnyy S. A.]. Available at: www.altinfoyg.narod.ru

Information about the authors

Bayev Igor Aleksandrovich (Chelyabinsk, Russia) — Doctor of Economics, Professor, Head of the Economics and Finance Department, South Ural State University (454080, Chelyabinsk, Lenina st., 76, e-mail: baev@econom.susu.ac.ru).

Podshivalova Mariya Vladimirovna (Chelyabinsk, Russia) — PhD in Economics, Associate Professor of the Economics and Finance Department, South Ural State University (454080, Chelyabinsk, Lenina st., 76, e-mail: podshivalovamv@is74.ru).